

Леонид Пантелеев. «Приоткрытая дверь...» («Советский писатель», 1980)

Недавно я наводила порядок в своей домашней библиотеке, сняла с полки книгу Леонида Пантелеева – изданную в 1980 году, хорошо почитанную, с подклеенным корешком, – и снова ухнула в нее, как в детстве. Вообще-то книга Пантелеева – совершенно не детская, но кого и когда это останавливало? В первый раз я сунула в нее нос младшей школьницей, а потом перечитывала снова и снова, цитировала к месту и не к месту, даже и сейчас порой всплывают в памяти короткие заметки из записных книжек писателя, собранные под одной обложкой вместе с его очерками и ответами на читательские письма. Во многом именно благодаря этой книге у меня сформировались первые представления о работе писателя, о ценности тех важных мелочей, из которых она складывается. А еще эта книга – о войне, хотя ни по заглавию, ни по содержанию этого не скажешь. Тяжелый след оставили военные годы в жизни Леонида Пантелеева, одного из авторов культовой «Республики ШКИД»...

Алексей Иванович Еремеев – таким было настоящее имя писателя, вошедшего в историю литературы под полублатным прозвищем (Ленькой Пантелеевым звали легендарного питерского налетчика – и этой кличкой нарекли нового ученика «Шкиды» в память

о его уголовном прошлом). Трудное детство, болезни, голод – обо всем этом в «Приоткрытой двери...» говорится скупно, а вот о безоблачных ранних годах Пантелеев рассказывает подробно и с нежностью. В прелестном рассказе «Лопатка» речь идет о самовольном уходе из дома пятилетнего Леши и его младшего брата Васи – мальчики отправились покупать новую лопатку для ковыряния в песке и, конечно, заблудились, потерялись. Взрослый Вася погибнет на фронте, в годы Великой Отечественной... А его старший брат, не подлежащий призыву из-за слабого здоровья, откажется покидать Ленинград во время блокады. Он будет вести чуть ли не ежедневные заметки о жизни в осажденном городе, станет защищать его, как только умеет. В июле 1942 года полуживого Пантелеева, находящегося в крайней степени истощения, вывезет из Ленинграда в Москву Александр Фадеев – спасет своего коллегу от верной смерти. Но Алексей Иванович будет стремиться домой – и в самом начале 1944 года, еще до снятия блокады, вернется в город на Неве.

Самые лучшие, поистине шемящие строки книги связаны именно с блокадной жизнью.

«Витю Кафтанникова, когда он был маленький, пугали:

– Будешь шалить – отдам в сосисочную.

И он очень боялся, что из него сосиски сделают. А на днях говорит:

- Дурак я был, что боялся.
  - Почему же дурак?
  - А пусть бы отдали. Пока меня смололи бы, я бы сам успел наестся.
- Спохватился, содрогнулся, добавил:
- А может, и убежал бы».

И даже покинув Ленинград, Пантелеев снова и снова возвращался к нему в дневнике: «Вспомнил, как в Ленинграде, в декабре еще кажется, принесла мне мама мою пайку хлеба или утреннюю часть ее. Я лежал больной, читал. Неловко разломил хлеб, и крошка упала на пол. Я не поднял ее, но читая, все время помнил, что предстоит что-то приятное. Что же? Ах, да, могу нагнуться и поднять с пола эту крошку – грамм или полтора черного хлеба!»

Святое отношение к хлебу осталось с Алексеем Ивановичем до конца жизни. Уже спустя много лет после войны он случайно увидел в заграничной поездке, как дети-подростки играют в футбол булкой хлеба – и накинулся на этих футболистов с кулаками. Не смог им простить такого варварства... И в общих столовых мучился, когда видел, как оставляют на тарелках недоеденное...

Но, конечно, эта книга – не только о голоде и страданиях блокадных лет. Она о мужестве ленинградцев, об их бесконечной верности своему городу, о том горьком юморе, которым спасались блокадники.

«Недавно слышал на улице:

- Нас легче похоронить, чем накормить.

Нет, и похоронить нелегко».

Пантелеев, переживая блокаду, беспощадно фиксировал в своих дневниковых записях и смешное, и подлое, и жуткое. Может быть, именно это подкупает в книге в первую очередь – здесь нет ни грамма фальши.

«Дежурил в первый раз на крыше и увидел город с высоты пятого (вернее, шестого, даже седьмого) этажа. Увидел как бы заново, как бы впервые всю красоту и неповторимость его. Город с его знакомыми до слез, “до припухших железок” зданиями, с Невой, Фонтанкой, каналами, – и все это как на старинной гравюре, на рельефном плане с картушем в верхнем углу. Не мог оторвать глаз от этого видения.

И вдруг подумал:

- “Смотри! Запоминай! Впитывай! Такого уже не будет!”»

Он писал не только о бесстрашных героях и тихих мучениках блокады, но и о жуликах, прохиндеях, откровенных мерзавцах, которых, к сожалению,

тоже хватало. Писал о психических заболеваниях, возникавших тут и там на почве голода.

«Чтобы все рассказать, надо написать книгу. Напишу ли когда-нибудь? И напишут ли когда-нибудь о Ленинграде всю правду? Мне кажется, что теперь, после всего, не всю правду нельзя. Не потому ли так легко, как никогда легко и свободно, пишется и думается?»

И все же «Приоткрытая дверь...» так и не стала *той самой* книгой о Ленинграде. В ней много других – иногда грустных, а чаще смешных – историй, набросков, сюжетов «из письменного стола» разных лет. Впечатления о работе над сценарием для Одесской киностудии, правдивые рассказы о Школе имени Достоевского (и о том, что стало с ее учениками впоследствии), споры с читателями (иногда весьма бурные), поразившие воображение цитаты из чужих книг: здесь материала не на одну, а на десяток книг! Это и в самом деле «приоткрытая дверь» в мастерскую писателя и в личный мир человека, пережившего самое страшное время в истории.

